

АЛЕКСЕЙ МАКАРУШИН

**ШИББОЛЕТ, или
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЯТАЧКА
В СТРАНЕ КАШРУТА**

Алексей Макарушин

**Шибболет, или Приключения
Пятачка в стране Кашрута**

«Издательские решения»

Макарушин А.

Шибболет, или Приключения Пятачка в стране Кашрута /
А. Макарушин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966582-9

Осенью 1998 года молодой преподаватель анатомии из российской провинциальной медакадемии случайно оказывается в Государстве Израиль. Там, следуя извиту руслу обстоятельств, он меняет сферы деятельности и места жительства, участвует в интернет-буме и финансовых аферах, причащается юбилейному Рождеству и, в конце концов, попадает под каток интифады Аль-Акса. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966582-9

© Макарушин А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
СОБСТВЕННО ИСТОРИЯ	7
АКТУАЛЬНЫЕ ЧАСТУШКИ	12
МАРШ ЛЮБВИ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Шибболет, или Приключения Пятачка в стране Кашрута

Алексей Макарушин

© Алексей Макарушин, 2019

ISBN 978-5-4496-6582-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ясный воздух летних сумерек, приглушив цвета, вычертил четкие контуры палестинского пейзажа от предгорий Аялона до гор Заиорданья. Глядя из иерусалимского квартала Абу-Тор можно было если не рассмотреть, то хотя бы различить зажигающиеся на западе огни нефтеперегонного завода в Рамле, ещё дальше за которым начинался уже невидимый отсюда Большой Тель-Авив, и, переведя взгляд на восток, увидеть редкие огни бедуинских стойбищ в Иордании. Как корабельные склянки, ударили колокола немецкого собора Успения Пресвятой Богородицы на горе Сион, тонким перебором отозвались им колокола православной Марии Магдалены с Масличной горы, и далее, перебивая друг друга, зазвенели колокольни многочисленных церквей Святого города. Колокольный звук уходил кругами, растворяясь в эхо, и невозможно уже было отличить истинный звук Троицкого собора с площади Москвы от эха Аугусты-Виктории на горе Скопус. Принципиально перебивая колокольный диалог, перекрывая его затухающие гармонии своим усиленным мегафоном голосом и, тем самым как бы завершая чуждый пересуд, вступил муэдзин с минарета мечети Аль-Акса. Через восемь тактов его подхватили муэдзины мечетей в Вефезде, в нижней части Старого города, большей частью записанные на магнитофон. Эта ежедневная музыкальная дуэль ничуть не трогала оказавшихся на её перекрестье евреев, поглощенных чтением и молитвами. У своей Стены они слышали другую музыку, другие голоса, уходящие не вверх и вниз, вправо и влево, а из прошлого в настоящее и будущее.

Если этот вечер в синагогах, церквях и мечетях Иерусалима был похож на все другие, сотни тысяч раз повторявшиеся в течение сотен лет, то посетителям старинной синагоги Женевы в этот вечер показалось, что мир перевернулся, рассыпался прямо у них на глазах. Только что, прямо у входа в синагогу, выехавший из соседнего переулочка мотоциклист застрелил рабби Шимшона. Уважаемый и любимый всеми семидесятидвухлетний раввин приехал неделю назад из Бней-Брака по приглашению женевской еврейской общины. Первые дни пребывания были до отказа заполнены встречами с «влиятельными» людьми, лидерами женевской и швейцарской общин, руководителями города и политиками. Два человека специально приехали для встречи с ним из Италии. Это были Джабраил Аль-Хумайи, суннитский теолог, профессор Миланского университета, и Симон Лански, итальянский предприниматель, проживший много лет в Израиле, но разочаровавшийся в сионизме, и делающий теперь деньги на недвижимости.

Спешу уверить беспокойного читателя, что больше ничего подобного в этой книге не будет. Ни лирических описаний, ни глубокого психологизма, ни лихо закрученного детективного сюжета про жизнь международной мафии.

Для удобства чтения и избежания лишних примечаний с переводом все диалоги на иврите напечатаны ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ, а диалоги на английском – *красивым курсивом*.

СОБСТВЕННО ИСТОРИЯ

По большому счёту, это были всё-таки весёлые и забавные дни. Теперь, спустя всего несколько лет, многие с удовольствием вспоминают, как они пережили те недели, в какую неприятную ситуацию влипли и как из неё потом выпутывались. В этом есть что-то общее между августами 91-го и 98-го.

Сергею Макаркину тогда, в конце августа 98-го, было совсем не до смеха. Вернувшись из отпуска, он обнаружил, что «отпускные», которые он намеревался постфактум получить в кассе института, покрывают лишь недельную «алиментарную» потребность. Но более неприятный сюрприз ждал его в кассе «Центра акупунктуры», где он подрабатывал «врачом-организатором». В кассе Центра его ждал классический коротко стриженный субъект, который на пальцах объяснил, сколько и кому Макаркин должен. Отдельно было объяснено, почему: «мы в вас бабок ввалили немеряно. Директор ваш Дорошенко к себе в Хохляндию свалил. Чо-как – никто не в курсах. Народ сказал – ты после него главный. Короче, мы не звери: вот тебе два месяца сроку, ищи или Дорошенко, или пять штук баксов, или то и другое вместе».

«Не, они теперь с тебя не слезут. Дикая дивизия. Янычары», – резюмировал слезливое изложение истории Макаркина его институтский однокашник, Семён Шестопап. «И денег не дам. Нету», – Семён был удачливым бизнесменом. «Валить тебе надо», – Семён и сам перманентно собирался валить в Израиль. «Слушай. Есть тебе предложение. У нас из Еврейского центра преподаватель иврита опять уехал. В Германию» – а ещё Семён был молодым активистом местной еврейской общины. «Попреподавай здесь иврит месяц-другой группе начинающих, а потом тебя отправят в Израиль на повышение квалификации. Может, даже на год. За это время здесь всё рассосется». «Так я ж ни слова на иврите. Немецкий под видом идиш – ещё куда ни шло: „Гитен Морген, либэн таламиден; зай гизунт, мейне мэйделе“. Да и вообще я не еврей». «Так и я ж тебе не обрезание им делать предлагаю. Хоть, я думаю, большинству бы и надо. А тебе не все ль равно, что преподавать – что анатомию твою, что латынь, что дойч, что инглиш, что иврит? Вот, смотри, книжку тебе дам, считаешь сам для начала, ну, и для общего развития. Начни с алфавита. 23 буквы. Сколько времени думаешь алфавиту можно учить?» «Ну, неделю» «Неделю? Да на месяц растянуть – раз плюнуть: сначала в одну сторону, потом в другую, книжки ж ивритские тоже наоборот не зря написаны, да ещё если учить со стишками, с песенками, с подтанцовками – месяца мало будет. Скоро, в октябре, Рош Ха-шана, еврейский новый год, потом Йом Киппур, судный день – тоже целый месяц не до чего будет – праздники, посиделки всякие, то да сё, ёще месяц. А там из Москвы обещали натурального специалиста прислать. А ты – в Израиль, квалификацию повышать. Как раз два месяца, янычарами тебе завещанные. Да, не забывай, тебе ж ещё денежку положат за преподавание». «Хорошо положат?» «Ну, на хлебушек с маслишком хватит. А уж как нас выручишь – слов нет. Первое занятие, кстати, послезавтра».

Для первого урока Шестопап посоветовал Макаркину выучить какой-нибудь вводный монолог на иврите, чтоб ученики сразу прочувствовали всю глубину премудрости, которую им предстоит преодолеть. К сожалению, в Еврейском городском центре не нашлось ни одной фонографической записи на иврите, а обращаться в Москву или частным владельцам записей Шестопап тоже не хотел, чтоб не излишне не афишировать нового учителя. В конце концов решили записать наугад какую-нибудь радиопередачу «Коль Исраэль – Голос Израиля». Макаркин переписал на слух трехминутный текст на бумагу и вызубрил наизусть, старательно имитируя прочувственные интонации и шелестящее произношение. Шестопап снабдил также многократно ксерокопированными дидактическими материалами, «чтобы хоть что-то на столах лежало».

Через день Сергей Макаркин, взбодренный 200 граммами «Реми Мартэн», любезно предложенными Шестопалом, решительно, как в кабинет зубного, распахнул дверь учебной комнаты городского Еврейского центра. В комнате собралась крайне разношерстная публика, подвигнувшаяся постигать тайны древнееврейского языка – тут были хасиды-неофиты брата Горобченко, переквалифицировавшиеся в иудеи из кришнаитов, монашествующий отшельник Афанасий, которому было видение пророка Исаяи, и ему не терпелось узнать, что тот конкретно сказал Афанасию, проворовавшийся начальник Водоканала Шилов, заранее лихорадочно искавший пути отхода, религиозный сионист Резников – специалист многоуровневого маркетинга, перевербованный в свое время одесским «Бейтаром» из «Гербалайфа». Подавляющее большинство присутствующих твердо решило в ближайшее время разделить судьбу еврейского народа, чудесным образом обретя чувство единения с ним через вновь открытых предков «мещанского звания, моисеева вероисповедания». Макаркин вдохнул побольше воздуха и бодро начал: «Здравствуйте, друзья! Шалом, хаверим!». Далее, без паузы, перешёл к воспроизведению заученного текста, изредка заглядывая в шпаргалку. «Блин, надо было дома на магнитофон записать, а здесь только рот открывать, как под фонограмму», – осенила Сергея запоздалая, как всегда, хорошая мысль. Несколько лет спустя он обнаружил в своих бумагах черновик той речи, и, уже немного понимая иврит, узнал, что он выучил тогда часть комментария какого-то раввина к правилам кашрута.

«ЧЕМ ЖЕ ЯВЛЯЮТСЯ РОГА НА ГОЛОВЕ ЖИВОТНОГО? ОНИ СЛУЖАТ ЕМУ ОРУЖИЕМ. НО ЧЕМ ВЫДЕЛЯЮТСЯ ИМЕННО ОНИ СРЕДИ ПРОЧИХ ВИДОВ ОРУЖИЯ, КОТОРЫМИ ЭКИПИРОВАНЫ ЖИВОТНЫЕ В НАШЕМ МИРЕ (НАПРИМЕР, КЛЫКОВ, КОГТЕЙ И Т.П.)? РОГА ЯВЛЯЮТСЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОРУДИЕМ ОБОРОНЫ, А НЕ НАПАДЕНИЯ, ОНИ ПРИДАЮТ ЖИВОТНОМУ ДОСТОИНСТВО ВНЕШНЕГО ВИДА И ПОЗВОЛЯЮТ ОТСТОЯТЬ СЕБЯ В СРАЖЕНИИ. НЕ СЛУЧАЙНО ЗВЕРИ, НАДЕЛЕННЫЕ ИМИ, ОТЛИЧАЮТСЯ, КАК ПРАВИЛО, МИРНЫМ НРАВОМ И ОБЫЧНО НЕ АГРЕССИВНЫ. ЕСЛИ ВЫ ПОМНИТЕ, МЫ ГОВОРИЛИ, ЧТО ЛИШЬ КАШЕРНЫЕ ЖИВОТНЫЕ ДОСТОЙНЫ ТОГО, ЧТОБЫ ИХ ПЛОТЬ СТАЛА ПИЩЕЙ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА. ДЛЯ ЗВЕРЕЙ ВНЕШНИМ ПРИЗНАКОМ ТАКОГО ДОСТОИНСТВА СЛУЖАТ РОГА.

ПОЛУЧИВ ЭТУ ИНФОРМАЦИЮ, МОЖНО ЛЕГКО ПОНЯТЬ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЖИВОТНОЕ КАШЕРНЫМ. НАПРИМЕР, ОСЁЛ. ЖВАЧНОЕ ЖИВОТНОЕ С НЕРАЗДВОЕННЫМИ КОПЫТАМИ В ПИЩУ ЕВРЕЯМИ НЕ УПОТРЕБЛЯЕТСЯ. ЯВНЫЙ ВНЕШНИЙ ПРИЗНАК – ОТСУТСТВИЕ РОГОВ. АНАЛОГИЧНО – ЛОШАДЬ.

ПОДУМАЙТЕ, МОЖНО ЛИ ПО ФОТОГРАФИИ АНТИЛОПЫ-ГНУ «ВЫЧИСЛИТЬ» ЕЁ КАШЕРНОСТЬ? МОЖНО – НАЛИЧИЕ РОГОВ ПОДСКАЖЕТ О ПРИГОДНОСТИ ЖИВОТНОГО В ПИЩУ. ТО ЖЕ САМОЕ ВЕРНО В ОТНОШЕНИИ ОЛЕНЯ, ЛОСЯ, БИЗОНА, БУЙВОЛА, БАРАНА, КОЗЛА.

НЕОБХОДИМО ОТМЕТИТЬ, ЧТО КОСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У НОСОРОГА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ «НОРМАЛЬНЫМИ РОГАМИ».

ТАКИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ, КАК КРОЛИКИ, ЗАЙЦЫ, НУТРИИ, ДИКООБРАЗЫ, СОБАКИ, ОБЕЗЬЯНЫ, СЛОНЫ, МЕДВЕДИ, ЛЬВЫ, ЛИСИЦЫ, ВОЛКИ, НЕ ЯВЛЯЮТСЯ КАШЕРНЫМИ ПО ВНЕШНЕМУ ПРИЗНАКУ – ОТСУТСТВИЮ КОПЫТ И РОГОВ.

НЕМНОГО СЛОЖНЕЕ ОБСТОИТ ДЕЛО С ЖИРАФОМ – ПАРНОКОПЫТНЫМ ЖУЮЩИМ ЖВАЧКУ, ИМЕЮЩИМ МАЛЕНЬКИЕ РОЖКИ, ПОКРЫТЫЕ КОЖЕЙ. ПО ВСЕМ ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫМ ПРИЗНАКАМ, ЖИРАФ МОЖЕТ УПОТРЕБЛЯТЬСЯ В ПИЩУ. НО, ПО УСТОЯВШЕЙСЯ ТРАДИЦИИ, МЯСО ЭТОГО ЖИВОТНОГО В РАЦИОН ЕВРЕЯ НЕ ВХОДИТ.

У ОБИТАТЕЛЕЙ МОРЯ – РЫБ – ПРИЗНАКОМ КАШЕРНОСТИ ЯВЛЯЕТСЯ НАЛИЧИЕ ЧЕШУИ И ПЛАВНИКОВ. В СООТВЕТСТВИИ С ЭТИМ, ИЗ-ЗА ОТСУТСТВИЯ ЧЕШУИ, НЕКАШЕРНЫМИ СЧИТАЮТСЯ ВСЕ ВИДЫ БЕЛОЙ РЫБЫ (ОСЕТРОВЫЕ)

И ИХ ИКРА (ЧЁРНАЯ). ТОЧНО ТАК ЖЕ НЕКАШЕРНЫМИ ЯВЛЯЮТСЯ И АКУЛЫ. В ОТЛИЧИЕ ОТ НИХ, КРАСНАЯ РЫБА И КРАСНАЯ ИКРА НИКАКИХ ВОЗРАЖЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КАШРУТА НЕ ВЫЗЫВАЮТ. ЕСЛИ У РЫБЫ ИМЕЮТСЯ ЛИШЬ ПЛАВНИКИ (КАК, НАПРИМЕР, У УГРЯ, ОСЕТРА ИЛИ СОМА), ТАКАЯ РЫБА В ПИЩУ НЕ ГОДИТСЯ. ЭТО ЖЕ ОТНОСИТСЯ И К ПРОЧЕЙ МОРСКОЙ И РЕЧНОЙ ЖИВНОСТИ – МОЛЛЮСКАМ, КРЕВЕТКАМ, КРАБАМ, ОСЬМИНОГАМ, ТРЕПАНГАМ, ОМАРАМ, КАЛЬМАРАМ, КАРАКАТИЦАМ, МЕДУЗАМ, КОТОРЫМ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ НА ЕВРЕЙСКОМ СТОЛЕ.

КАШЕРНЫМИ ВИДАМИ СРЕДИ ПТИЦ ЯВЛЯЮТСЯ ВСЕ, КРОМЕ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ В РАЗДЕЛЕ ТОРЫ, ПОСВЯЩЕННОМ ЗАКОНАМ КАШРУТА. ОДНАКО БОЛЬШИНСТВО ПЕРНАТЫХ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ СМЕНИЛИ СВОЕ НАЗВАНИЕ. ЕВРЕИ ЕДЯТ МЯСО ИЗВЕСТНЫХ ВИДОВ, ТАКИХ, КАК КУРИЦА, УТКА, ГУСЬ, ИНДЮК, ПЕРЕПЕЛКА, ГОЛУБЬ И РЯД ДРУГИХ. В ИХ ЧИСЛЕ НЕТ ХИЩНЫХ ПТИЦ, А ТАКЖЕ ПИТАЮЩИХСЯ ПАДАЛЬЮ. ТАКИЕ ВИДЫ, КАК СТРАУС, ВОРОБЕЙ, ВОРОНА, ЧАЙКА – НЕКАШЕРНЫ. ЯЙЦА КАШЕРНЫХ ПТИЦ МОЖНО ЕСТЬ.

ЕВРЕИ НЕ УПОТРЕБЛЯЮТ В ПИЩУ ВСЕ ВИДЫ ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ И ЗЕМНОВОДНЫХ – ЯЩЕРИЦ, ЗМЕЙ, ЧЕРВЕЙ, ЧЕРЕПАХ, ЛЯГУШЕК И Т. Д. СООТВЕТСТВЕННО, ЗАПРЕЩЕНЫ И ЯЙЦА ЭТИХ ЖИВОТНЫХ – НАПРИМЕР, ЧЕРЕПАШЬИ.

В ОБШИРНЕЙШЕМ МИРЕ НАСЕКОМЫХ ЗАПРЕТ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ВСЕ ВИДЫ, КРОМЕ ОДНОГО ВИДА САРАНЧИ, КОТОРЫЙ ИЗРЕДКА УПОТРЕБЛЯЕТСЯ В ПИЩУ ЕВРЕЯМИ ЙЕМЕНА, СОХРАНИВШИМИ УМЕНИЕ ОТЛИЧАТЬ ЭТОТ ВИД ОТ ДРУГИХ И УМЕЮЩИЕ ЕГО ПРИГОТОВИТЬ».

(с) Йорам Лемельман

Слушали Макаркина, открыв рты. В медицинском институте, где Сергей преподавал анатомию, ему никогда не удавалось добиться такого внимания аудитории без запугивания немедленным проведением письменного тестирования. В момент перечисления, как потом оказалось, кашерных млекопитающих, в комнату вошла смуглая женщина в сопровождении руководства Еврейского центра. Через минуту лицо её вытянулось, и оставалось таким до конца зоологического введения в гастрономию. Но на Сергея снизошёл момент беззаботной наглости, испытанный им в последний раз на экзамене по нервным болезням, когда свой неправильный диагноз, поставленный «учебному» больному, он убедительно доказал демонстрацией патологических рефлексов, вдруг явно проявившихся у пациента, и таким же внезапным исчезновением нормальных. Без запинки он довёл свое повествование до относительно логичного окончания, резюмировав весьма самоуверенным заявлением, что «не пройдет и полгода, как вы научитесь понимать язык Моисея и Соломона, говорить и чувствовать на нем». Чуть размыслив, резонно добавил: «возможно, даже лучше меня». К этому моменту лицо смуглой опоздавшей вернулось в более-менее нормальное положение, и она, подняв пальчик, что-то спросила Макаркина на иврите. «Йа, натюрлихь; варум нихьт?», – ответил он по-немецки, как бы пропустив вопрос мимо ушей, и немедленно перешёл к знакомству с группой. Большинству будущих познавателей иврита было за 40, многие носили украинские фамилии, что явилось Макаркину неприятным напоминанием о его исчезнувшем на просторах Украины шефе, благодаря которому он оказался в столь двусмысленной ситуации. К его удивлению и, на всякий случай, радости, в группе не было ни одного Рабиновича или Зильбершухера. Смущала лишь настырная брюнетка, которая так и не представилась (а сам Макаркин, конечно, не проявлял инициативы – «не хочет, ну и не надо»), сидела возле руководства и всё время явно пыталась что-то спросить. Макаркин старался не обращать на неё никакого внимания («тьфу на тебя»). Он уверенно продолжал урок. Указав на Семёна Шестопада, он объяснил, где можно купить учебные пособия. По его плану, 45 минут первого занятия должны были как раз на этом закончиться, но он, к своему сугубому разочарованию, выполнил план досрочно. Оставалось

ещё минут 15. Задав риторический вопрос «откуда произошёл иврит?», Макаркин приступил к краткому изложению недавно прочитанной научно-популярной брошюры «Библия как история», в основном следующей событийной канве Ветхого завета. К сожалению, книгу он дочитал лишь до Исхода, и поэтому, оставив Моисея с сопровождающими его лицами на Синае, где они, несомненно, говорили друг с другом и Богом на иврите, он сразу и непосредственно перешёл к нынешней напряженной политической обстановке на Ближнем Востоке. «Всё вышесказанное лишний раз подчеркивает настоятельную необходимость изучения иврита – языка великих пророков древности и наших великих современников – Бен-Гуриона, Эйнштейна и Натана Щаранского. До следующей встречи!», – на такой пафосной ноте Макаркин закончил и попытался бежать через дверь. Но общинное руководство уже перегородило дорогу, пожало руку и подвело к широко улыбающейся брюнетке. Их представили: «Сергей Макаркин. Наш новый учитель иврита. Захава Ган. Координатор Сохнута». «У тебя очень необычное произношение, – протянула руку Захава, – даже я не всё поняла. Ты, конечно, не был в Израиле? Надо побывать обязательно. Тебе его там исправят». «Не сомневаюсь». Захава Ган уже 4 года была координатором Сохнута по Центральной России, но продолжала говорить с израильским распевным растягиванием окончаний и называть всех на «ты». «Но главное, главное – очень актуальная тема. Многие приезжают, и не знают, что такое кашрут. Очень хорошо, что ты с этого начал. Где взял такой хороший материал?». Макаркин общим жестом показал в сторону общинного руководства. Руководство заулыбалось, и в свою очередь, показало в сторону хорошо накрытого стола. На столе дымились тушеное мясо, раки, шашлык из осетрины и прочие радости необрезанного желудка. Запотевшие бутылки водки, окаймленные чёрной и красной икрой, чередовались с грузинскими красными и белыми винами. Первый урок, несомненно, удался.

Дальнейшие учебные будни проходили большей частью в соответствии с основным планом, обрисованным Семёном Шаповалом: утром на свежую голову Макаркин знакомился с новой главой учебника иврита, вечером излагал прочитанное слушателям. Вскоре у слушателей наметилось отставание от опытного в языках преподавателя, и Макаркин мог с некоторой вальяжностью повторно объяснять «трудные» места. Иногда для заполнения времени в конце занятия он рассказывал еврейские анекдоты. На дом он не задавал, строго не спрашивал и ученики его, похоже, даже любили. В преддверии праздника Рош Ха-Шана пошли разговоры и косвенные предложения об участии Сергея Аркадьевича в праздничном собрании с его выходом к свитку и чтении Торы. Сергей вежливо отказался, сославшись на приверженность совсем уж консервативному течению иудаизма. Удивившись, его спросили, где он такое здесь нашёл, ибо «консерваторов и реформистов тут отродясь не было». «В Берлине, – нашёлся Сергей, – в Шёнефельде». Название берлинского аэропорта показалось любопытствующим вполне еврейским, хотя в свое время Сергей там не нашёл, а потерял, и не религиозную доктрину, а чемодан.

Сразу после осенних праздников Сергею пришло на дом два сюрприза – приглашение на годичные языковые курсы в Израиль и тот же небритый коротко стриженный субъект. Второе автоматически сняло все возражения, чтобы отказываться от первого. В пивном, но романтическом ресторане он устроил прощание с немногочисленными подругами. Подруги в отличие от друзей, считал Макаркин, вряд ли смогут быстро сопоставить некоторые очевидные факты и сделать вывод, что он уезжает в Израиль, а не в заявленную Кострому. И, даже сделав вывод, они вряд ли успеют довести его до известных доброжелателей в течение 24 часов, на что, несомненно, способны некоторые из друзей-мужчин. Особенно те, у кого он занял немного денег.

«Серёжа, а что ты в той Костроме потерял?» – спрашивали подруги. «Я еду на двухнедельный симпозиум по русской народной частушке» – врал им напропалую Макаркин. «Постой, но ты вроде у нас медик, а не филолог? Ты же говорил, анатомию преподаешь, или опять обманывал?» – никак не верили подруги. «Анатомия, любимые мои, вещь относительная. Относительная к любому твердому телу. А к жидкому, наоборот, не относительная» –

Макаркин разлил девушкам пиво по фужерам. «Можно сказать: анатомия кошки. Или стола. Или стула. Но никак не анатомия пива или той же водки. А вот анатомия частушки – тоже можно сказать. Семантический и частотный анализ, скажем. Вот послушайте, обожаемые, вологодские частушки, которые сообщил мне наведни один клиент. Я их прочитаю, а вы тихо вникните». Макаркин вынул из заднего кармана пожелтевший буклет.

АКТУАЛЬНЫЕ ЧАСТУШКИ

(собраны в колхозах и совхозах Сямженского района Вологодской области в 1950—52 гг.)

Не грози народам, Трумэн,
Не запугивай войной.
Всё равно тебе придётся
лезти в петлю головой.
Крыши мирного Парижа
Самолёт крылом задел.
Ты зачем же, Эйзенхауер,
В Европу прилетел?
Эйзенхауер в Европу
Прилетел исследовать:
Кто б предательству Броз Тито
Мог ещё последовать.
Скоро Трумэну придётся
Пред судом народов стать.
За агрессию в Корее
Должен кто-то отвечать.
Мы стоим на вахте мира,
Не дадим войну разжечь.
Наша воля тверже стали,
Твёрдо будем мир беречь.
Поджигатели стараются
Опять разжечь войну,
Но народы доброй воли
Защитят свою страну.
Задушевная, напишем
Дорогому Сталину:
Наш колхоз богат и крепок,
Не допустим мы войну.
Не боимся мы, подруга,
Поджигателей войны:
Ухажеры наши в Армии —
Защитники страны.
У Советского Союза
Путь-дороженька одна:
Знамя мира и свободы —
Наша мощная страна.

(с) Изд-во «Красный Север», Вологда, 1952 г.

Из золотой, но грязной и дождливой среднерусской осени Макаркин попал в лазурный излёт средиземноморского лета. Уже в Бен-Гурионе группа российских преподавателей иврита, преимущественно женская по составу, оказалась в цепких руках сохнутовских кураторов их программы: энергичных Софочки Кантор и Ильи Разумовского. Заяц «Энергайзер» сдох бы, соревнуясь с ними. За 40 минут езды из аэропорта в тель-авивскую гостиницу «Таль» они успели познакомиться и отдельно поговорить с каждым из 20-и участников, подробно

расписать программу (вкратце сводившуюся к следующему: первые полгода – занятия и экскурсии, вторые полгода – работа в удовольствие волонтерами в сельскохозяйственном кибуце; программа предполагает ежемесячную стипендию в семьсот шекелей (около 200 долларов)), а также показать немногочисленные достопримечательности, встречавшиеся по пути: «Посмотрите налево: дом Любавического ребе. Посмотрите направо: мусорная гора Большого Тель-Авива». Куча наглядно свидетельствовала, что Тель-Авив в самом деле уже немаленький.

С началом занятий Макаркину начали сниться школьные кошмары: его полузабытая классная Людмила Степановна на иврите вызывала его к доске и спрашивала матанализ, которого не было в школьном учебнике алгебры. Неудовлетворительный ответ грозил немедленным призывом в армию и участию в киносъемках эпопеи «Освобождение» с боевыми стрельбами. Кошмары имели и дневное воплощение: все лекции велись на «высоком иврите». Макаркин, как ни пытался, не понимал ни слова. Голова его пухла, веки дергались. Мимика лица не выдерживала постоянного напряжения, которое требовалось для поддержания жизнерадостного изображения «глубокого понимания и живого участия в происходящем». Прочие участники курсов и вне занятий усердно пытались общаться друг с другом на «древнем и божественном», старательно избегая «великого и могучего». Редкими просветами для Сергея были лекции и экскурсии Сионистского Форума, посвященные ТАНАХу и истории государства Израиль, проводимые на русском языке. Но уже после первых лекций Форума их слушатели и лекторы стали посматривать на Макаркина косо. На лекции по Книге Судей он не удержался от вопроса: «Так что, получается, Самсон был первым в истории самоубийцей-террористом, раз обвалил филистимлянский храм, погубив себя и несколько тысяч филистимлян?» «Нет, конечно, ведь они сковали и ослепили его» «Но он же хулиганил и бузил. Что же им оставалось?» «Он не хулиганил, а боролся за свой народ». «ОК, конечно боролся». Как же сразу не догадался?

На экскурсии в кибуц Дегания гид живо рассказывала о Войне за Независимость, об атаке трех арабских армий, «вооруженных до зубов танками, самолётами, вертолётами». Макаркина, однако, удивило описание переломного момента в великой битве за кибуц: «когда из Тель-Авива прислали 3 пулемёта и миномет, чаша весов склонилась в нашу пользу и арабские армии отступили». «Что, все три армии, вместе с танками и самолётами?» «Да!» «Так что же это было, армии или хулиганы на джипах?» «Макаркин – что Вам везде хулиганы мерещатся? Здесь Вам не Россия!»

Макаркин жалел, что обратил на себя внимание. Стало ясно, что обнаружение его полной некомпетентности в иврите – дело нескольких дней. С курсами надо было прощаться. Но беспокоила судьба своих законных «карманных денег», положенных ему Сохнутом – 2200 долларов – по 200 за 11 оставшихся месяцев. Внимательно присмотревшись к Илюше Разумовскому, Сергей решил, что с ним можно договориться. Илюша сразу вошёл в курс дела, и предложил дисконт 60%. Сергей счел это вполне разумным и согласился. Через день он получил на руки 800 долларов. «А где ещё 80?» «За эти 80 я предлагаю тебе роскошный вариант: работа по охране пустой виллы в Герцлии с проживанием. Хозяева в Европе. Тебе нужно лишь стричь газон да пыль протирать. Воров не пускать, разумеется. Ну, иногда на их контрольные звонки отвечать. А ты переведешь телефон на свой сотовый – и все дела. 20 баксов в сутки, но жилье бесплатное. Ну да и подработать где-нибудь еще сможешь»

Вилла была относительно небольшой, но с бассейном. Жить Сергею предстояло в маленьком флигеле, совмещенном с гаражом. При входе в хозяйские покои для проведения санитарно-гигиенических мероприятий и просмотра ТВ программ требовалось ответить на контрольный звонок службы охраны и назвать пароль.

В качестве «второй работы» почти сразу подвернулась вакансия помощника повара в приморском ресторане. Ресторан был как бы «фильдеперсовый», находился в престижной консульско-посольской Герцлии-Питуах прямо на берегу моря, и назывался просто

«На воде» (Аль Ха-маим). Зарплату давали сравнительно неплохую – 5 долларов в час, с возможностью переработки, плюс ресторанное питание. В минус Макаркин записал наличие стойких, плохо переносимых им кухонных запахов. Его нос замирился с мертвым формалиновым запахом анатомички, но категорически отвергал живые ароматы кулинарии. С надеждой, что запах моря забьет к чёрту всю кухонную душность, и вспоминая гольдониевского «Слугу двух господ», Макаркин вышел на трудовую вахту израильского общепита.

На кухне царствовали двое – филиппинец Билли, мясо и морские гады, и наркоман Моти, закуски и птица. Задачей Сергея было вынимать и расставлять по местам посуду из посудомоечной машины, первичная разделка рыбы и гадов, а также поднести-унести-вынести. В свободное от основных обязанностей время – рубка дров для камина, установленного в большом зале ресторана. Была зяблая средиземноморская зима, и натопленный камин создавал впечатление совсем неместного уюта. Дрова для него раз в месяц привозили немногословные палестинцы с территорий. У Макаркина создавалось впечатление, что одновременно они привозили и «траву» для Моти, который в эти дни был особенно возбужден, разговорчив, общителен, и к нему валом валили такие же веселые и общительные друзья. Потом отдельно приходили двое-трое, неразговорчивых и необщительных, после чего дурная весёлость Моти сменялась суетливой деловитостью.

Послы и консулы, не говоря про дипсостав рангом ниже, довольно часто посещали «Аль А-маим». В последний февральский вечер, когда Макаркин ломал наружные хребты уже третьей на тот день сотне креветок, в подсобке ресторана возникли два азиата в черных костюмах и черных очках. Оглядев Макаркина, они поздоровались по-испански с Билли и другими филиппинцами и проскользнули в подсобку бармена и далее в зал. «*Сегодня будет министр иностранных дел Филиппин – сообщил Билли, – надо сказать об этом Гарсиа*». Менеджер-метранпаж Шломо не дал по поводу визита министра никаких специальных указаний, лишь попросил Макаркина нарубить дров, выбрав из привезенных сегодня те, что посуше, а филиппинца Марти – получше почистить камин. Но перед самым приходом высокопоставленных гостей Шломо вдруг засуетился. Тому же Марти было дано распоряжение снять решетку, лежащую перед входом в ресторан, и вычерпать из неглубокой ямы воду, обогащенную разнообразными изделиями из пластика, и, почему-то, золой. Из экологических соображений было также строго указано вычерпывать не в плещущее рядом Средиземное море, а в дождевую канализацию (канализация, впрочем, делала 50-метровый крюк по берегу и выливалась в то же Средиземное море). Не успел Марти вынуть решетку и прислонить её к стене ресторана, как из ресторана прямо в открывшееся зияние ямы («Кусс-эмма!!!») вышел менеджер Шломо.

Когда группа дипломатов пришла в ресторан, у входа их встречал, не по протоколу, самый старший по возрасту официант.

В паузу после первой смены блюд Моти вышел покурить. Моти привычно быстро скрутил самокрутку и затянулся сизым сладковатым дымом. Его несколько тревожила сегодняшняя беседа с палестинцами. Утром, передавая раскуренный косячок, он спросил одного из них, Халиля: «КСТАТИ, ХАЛИЛЬ, ДАВНО ХОТЕЛ ТЕБЯ СПРОСИТЬ: КОГДА ТЫ СТАНЕШЬ ШАХИДОМ И ТЕБЯ ВСТРЕТЯТ В РАЮ 72 ДЕВСТВЕННОЦЫ-ГУРИИ, ХВАТИТ ЛИ ТЕБЯ ОДНОГО НА ВСЕХ?». Халиль уверенно ответил, что «ШАХИДУ В РАЮ ОБЕСПЕЧЕНА ВЕЧНАЯ ЭРЕКЦИЯ». Но напарник Фанус, на вид более серьезный и религиозный, возразил, что в Коране совсем ничего про секс в раю нет, и вообще пророк обещал мученикам 72 белые изюмины – гуры, а не гурии. То есть радость философскую, но не плотскую. Моти насторожился, когда его арабские друзья заключили об этом пари. «Приедут ли мартышки в следующем месяце?» – зрело в нем беспокойство. Грустные размышления оборвал Ицик, официант, сообщив, что гостям понравился фокаччо, и они хотели бы его и к основным блюдам. Моти взял несколько лепешек и кинул их в электропечь. Подумав, он поставил её на максимум. Внезапно под полом началось какое-то общее бурление. Через минуту звук

локализовался в центре кухни, и из сливного отверстия начала сочиться пенная и не благовонная жидкость. Кухня оказалась разделенной ею пополам: в одном углу толпились ошарашенные повара и официанты, в другом электропечь подавала сигналы полной готовности. Чужеродная масса последовательно захватывала пространство кухни. Мобилизовав швабры, Моти и Макаркин совершили попытку прорыва к дымящейся электропечи. Но в последний момент они одновременно сообразили, что швабры мокрые, электропечь пробивает ток, а выключатель регулярно заедает, и, остерегшись, отступили. Новых добровольцев вырубить печь не нашлось. Булькающая хлябь напозала. Глаза щипало гарью горящего в печи фокаччо, усиленной зловонностью наступавшей в зал массы. Вслед за швабрами, отгонявшими напирющую понизу жижу, были мобилизованы также вентиляторы и полотенца, гнавшие зловоние повернувшись в кухню. Командование взял в свои руки вновь прибывший Шломо, с его слов – бывший офицер ВМФ Армии Обороны Израиля. Макаркин был послан в обход: через черный вход пробраться в кухню, по разделочным столам добраться до печи и дровком швабры вырубить дымящуюся печь. Марти получил задание совершить диверсию в глубоком тылу противника: захватить на складе пакет каустической соды, засыпать в засорившийся унитаз в служебном туалете и немедленно залить крутым кипятком. Остальной личный состав должен был держать фронт мойка-подсобка на направлении «КУХНЯ-ЗАЛ» до последнего, как Шломо с друзьями «В СУДНЫЙ ДЕНЬ НА ГОЛАНАХ». «ДА ХОТЬ ПЕЙТЕ ЕЁ» – указал он на жижу, «НО НИ КАПЛИ В ЗАЛ». В тот момент, когда Сергей, сидя на рыбном столе из последних сил практически вслепую дотянулся-таки до выключателя, в служебном туалете раздался глухой взрыв. Судя по тому, как жидкая масса с чавканьем ушла в свое отверстие, Марти тоже совершил свой подвиг.

Вероятно, филиппинский министр с сопровождающими его израильскими коллегами успели почувствовать или заметить какой-то диссонанс в обычно слаженной работе персонала, так как, уходя, тот поблагодарил Шломо, добавив однако, что камин, похоже, коптит и его надо бы почистить.

После смены, когда Макаркин ехал домой на велосипеде и размышлял, сможет ли он когда-нибудь еще питаться в общепите, недалеко, в районе Кфар-Шмарьягу, послышались отдельные выстрелы. На перекрестке у банка «Леуми» из ночной тьмы наперерез Макаркину выскочил человек в форме полковника израильской армии. В руках у него был пистолет. Макаркину показалось странным, что у полковника было абсолютно восточно-азиатское лицо, а сам он кричал высоким голосом «Банзай» и другие троцкистские лозунги по-английски и испански. На перекрестке азиат два раза выстрелил в воздух. Воздух, так необходимый велосипедисту на подъеме, оказался напрочь испорченным стойким блендом из запахов пороха и бренди «777». Вслед азиатскому полковнику пробежала дюжина израильских полицейских, также изредка стрелявших в воздух, будто подбадривая себя. «Семидесятые возвращаются, – подумал Макаркин – Японская Красная Армия высадилась в Герцлии. В клёшах, с хайром, бакенбардами и усами „бунтарь-семидесятник“». Прежде оживленное шоссе опустело. Вдалеке завывали сирены. Макаркин нажал на педали, чтоб не попасть под какую-нибудь облаву.

В утреннем выпуске русскоязычной газеты «Вести Ха-шарона» Макаркин с интересом прочитал, что Гарсия Рамос, филиппинский камердинер жившего в Кфар-Шмарьягу полковника Армии Обороны Израиля Н., решил пожаловаться «своему» министру на своего хозяина, задолжавшему ему за три месяца. Из невыясненных источников он узнал, что филиппинский министр будет ужинать в приморском ресторане Герцлии-Питуах. К министру его охрана не пустила, но по-землячески дала в утешение бутылку дешевого бренди. Очевидно, Гарсия Рамос решил утешиться по-настоящему, по-филиппински, добавив к бренди пиво с водкой и маленький путч с хунтой.

Кроме информационной заметки, Макаркина заинтересовали в газете стихи местных поэтов.

Борис КАМЯНОВ

МАРШ ЛЮБВИ

Стихи о еврейской демократии

Сегодня – День Независимости. Независимости от Бога.

С разных концов Израиля вошел в столицу народ.

По улице Яффо – шествие. Перед толпой дорога

Серой скатертью стелется до самых Яффских ворот.

Впереди – жеманные пидоры, гордо зады отклячив,

Надувных голубых шариков над ними весёлый рой.

За ними – коблы с ковырялками, сплетясь в объятьях горячих,

Тащат на нитках розовые шарики за собой.

Идут к Сиону паломники. Мы им даровали ныне

Право глумиться над истинами, записанными в Торе.

Право блудить прилюдно и осквернять святыни.

Право совокупляться на храмовом алтаре.

Среди резвящихся – члены, прошу прощения, кнессета,

Писатели, музыканты, актрисы, балеруны,

Беженки из России с дипломом училища Гнесиных,

Местные трансвеститы – элита нашей страны.

Еврейская демократия, ты можешь собой гордиться:

Во всемирную педерацию входим теперь и мы!

То, чего ты добилась, враги не могли добиться:

Государство Израиль ныне – бардак во время чумы.

...Вечер. Парк Независимости. Бесы вокруг мангалов

Хлещут любовное зелье, до одури, допьяна.

А в получасе езды от торжествующих гадов

Идет – похоже, последняя в нашей судьбе – война.

(Стиль и орфография автора сохранены. Все права принадлежат газете «Вести», концерт «Едиот Ахронот»)

Моти совсем загрустил и вышел в досрочный отпуск. На его место досрочно из отпуска вышел Барух Беленький, репатриировавшийся 15 лет назад из Молдавии. Ознакомительный диалог Макаркина и Баруха был кратким: «Привет, я Барух; я вместо Моти. Но я не Моти – у меня будешь летать, как муха». «Пошёл на хер, Барух». Макаркин попросил расчет, Шломо рассчитал его копейка в копейку, агора в агору.

Заплатив 200 шахов («новых израильских шекелей») «Центру Помощи Олим» Макаркин поступил в распоряжение посреднической конторы «Тавус» в лице подрядчика («каблана») Пинхаса. Тот, в свою очередь, передал Сергея в аренду Теннисному центру в Кфар-Йарок, между Рамат-Ха-Шароном и Северным Тель-Авивом. «ПЫЛЬ С КОРТОВ СДУВАТЬ». Путь туда был долгим даже на велосипеде, но Сергею была обещана компенсация в размере стоимости месячного автобусного проездного.

В первый же день Сергею была продемонстрирована штатная организации Центра и его иерархическая структура (приведена снизу вверх, кавычки означают ссылку на «страну исхода»): 1) «марокканка» Хава (туалеты и душевые), русский Макаркин (корты и дорожки), «йеменец» Рувен (садовник, пенсионер, старший в группе); 2) «румун» Йоси, старший над всеми тремя предыдущими; «аргентинки» Габи и Эстер, рецепционистки; 3) «англичанин» Моше, старший над шестью предыдущими; прочий англосаксонский административный состав (около 10 любезных женщин и девушек), в большинстве своем не говорящий на иврите и в основном занятый перепиской со старыми американскими спонсорами и навязчивым

рекрутированием новых; 4) последний из оставшихся в живых отцов-основателей Центра «поляк» Бени и его ближайшие родственники. Бени утверждал, что играл в теннис с Хаимом Арлозоровым. То что он играл с Бен-Гурионом, Вайцманом, Бегином, Даяном и Рабиным подразумевалось как бы само собой. Отдельная «деклассированная» группа – смуглые загорелые тренеры, сводные братья пляжных спасателей, но, в отличие от них, помимо секса тупо помещанные не на парусах и досках, а на мячах и ракетках.

Пока Сергей Макаркин под руководством Рувена вникал в тонкости ухода за 22 кортами (в том числе двумя грунтовыми) и специфику работы немецких воздуходушных машин, в Центре проходил Чемпионат Европы по теннису среди инвалидов. После того, как Макаркин мягко указал Рувену на то, что флаг Испании и логотип Найка «Just Do It» повешены вверх ногами (Рувен специально бегал к «англосаксам» в офис, чтобы абсолютно удостовериться), Макаркин, наряду с «румыном» Йоси, стал считаться интеллигентным человеком, а заодно и ответственным ещё и за флаги с транспарантами. Йоси немного ревновал нового «интеллигента», и попытался подставить Сергея с греческим флагом (неудачно).

При разгрузке фургона с бутылками питьевой воды «Иден» произошел легкий инцидент. Бутылки перегружались на неамортизированную повозку, и при движении по вымощенным дорожкам Центра повозка гремела как взвод Т-34 на Красной площади. Инвалиды нервничали и теряли подачи. Член оргкомитета чемпионата Питер Дубноу из Гибралтара (крупная табличка на груди, вероятно для инвалидов по зрению) решительным жестом остановил победоносное продвижение полноводного громыхала, и разыграл с Макаркиным этюд на тему допроса советского добровольца немецким офицером в испанской гражданской войне. Макаркину не хватало только таблички на грудь – «Поджигатель Кордовы»: «Ви есть специально нарушать порядок. Я буду вас наказать». *«Говори по-английски или на иврите, я ваш украинский не понимаю. По-русски, по-немецки можно, по-французски. Только не по-украински».* «Ви всё понимать и специально притворяться, чтобы вредить. Ви не любите инвалиды». *«Я люблю инвалидов. Я не люблю уродов».* «Что есть урода?». *«Не знаю, как это по-вашему, по-украински. Спросите у Бени. Он должен помнить свой польский. А насчёт бутылок – скажи, куда сгружать, я потихоньку всё перенесу на руках».* «Хорошо. Ви есть стараться. Но все русские – плохой работники. Да». «А ты всё-таки урод, член оргкомитета Питер Дубноу, Гибралтар».

Вторая рабочая неделя началась с демонстрации чуда. Как обычно, легко позавтракав, Сергей кинул в велосипедную корзину-багажник пару бутербродов. При переезде 6-полосной автострады по пешеходному переходу заднее колесо соскочило с бордюра и отпружинило. Крышка корзины-багажника распахнулась и два бутерброда, перелетев через голову и, освободившись по пути от бумажной обёртки, плюхнулись на проезжую часть. Маслом кверху. Оба. Законы физики в Израиле, похоже, уже не действовали. Макаркин поочередно посмотрел на водителей трех ближайших автомобилей. Да, они тоже видели, что бутерброды упали маслом кверху. Не сговариваясь, все трое изобразили вежливое удивление. Подняв бутерброды, Макаркин продемонстрировал им, что всё по честному, масло только с одной стороны. Все трое изобразили, что они и так ему поверили. Светофор сменился, лица троих пожелали ему и дальше такого же удачного дня.

Реально день выдался не столь удачным. Приближались весенние каникулы, на базе Центра организовывался детский лагерь. Яркое весеннее солнце набирало обороты, как и рекламная компания косметических компаний против солнечных лучей. Руководство Центра требовало, чтобы в местах возможного скопления детей были натянуты полупрозрачные тенты. Моше обозначил места, где возможно скопление детей, Йоси взял на себя общее руководство, Рувен с Сергеем приступили к сборке из элементов строительных лесов передвижной «вавилонской башни», должной обеспечить доступ если не к солнцу, то к достаточно высоким точкам, где можно закрепить солнцезащитные тенты. Рувен, боявшийся высоты, предпочёл передвигать внизу башню, оборудованную двумя мелкими колёсиками, нежели на семи-

метровой высоте вязать узлы, фиксируя парусящие тенты. Наверх пришлось лезть Макаркину. Конструкция постоянно болталась и шаталась, но сохраняла целостность. После подвязки первых креплений на осветительных столбах дело зашло. «СДЕЛАНО!» – кричал Сергей. «ДВИГАЮ!» – кричал Рувен. Через минуту на новом месте. Еще через минуту снова: «СДЕЛАНО!» «ДВИГАЮ!». Еще две минуты – «СДЕЛАНО!» «ДВИГАЮ!». Появился ритм. Перешли к креплению на стене. «СДЕЛАНО!» «ДВИГАЮ!» «СДЕЛАНО!» «ДВИГАЮ!». Макаркин чуть замешкался, когда одна из подвязок оборвалась. Пытаясь дотянуться до развевающегося на ветру обрывка он зацепился рукой за верх стены, ногой уперся в неё. Но Рувен, задумавшийся о чём-то своем, как и все пенсионеры, подчинялся уже ритму, а не команде, и сдвинул башню. Макаркин остался висеть на стене. Стена отделяла территорию теннисного центра от высокоскоростной автострады. Сергей попытался подтянуться. Внизу, за стеной, неслись в обе стороны сотни автомобилей. «И, разумеется, всем по х...й, что я сейчас тут ё... нусь к едрене фене» – подумал Сергей, глядя на движущиеся лакированные армады. Руки не могли зацепиться и медленно скользили к краю. Горло пересохло. Слова терялись еще где-то на уровне ядер среднего мозга, и изо рта несло только удивленное «Э-э-э?!». Пенсионер-мыслитель Рувен передвинул башню еще дальше. Наконец, пара простых членораздельных слов пробила запруды в среднем мозгу Сергея и вышла звуком наружу: «Э-э-э, аллэ, ёба?». Рувен взглянул вверх и сравнительно расторопно подставил башню назад под болтающуюся ногу Макаркина. Сергей внимательно посмотрел на «йеменца». Тот явно не чувствовал за собой никакой вины, так что раскручивать его на ящик пива было бессмысленно.

Тем не менее вечером Макаркин впервые в Израиле напился. Когда раздался контрольный звонок хозяина из Брюсселя, уже никакой Сергей мертвым голосом пробубнил в трубку, что *«он никакой, ему плохо, он умирает»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.